

недоноска, а вполне развитого младенца, вздохнувшего в первый раз»¹⁰.

При всём том поэт считал, что в России важна и роль помещного дворянства, и призывал не высмеивать неудачи хозяйствующих дворян, а поддерживать их начинания: «Дело землевладельцев было всегда и везде делом великим. А теперь оно более чем когда-либо важно и значительно для всего государственного организма. Пора и нашей отсталой литературе вспомнить это и отнестись к нему без задора бессмысленной и нелепой вражды»¹¹. Однако призыв остался без ответа; наоборот, эти очерки вызвали враждебную и очень эмоциональную реакцию в печати.

О чём же пишет Фет и за что его так невзлюбили? О мелочах. О проблемах хозяйства, о ценах и погоде, о сложностях построения новых отношений с каждым конкретным жителем деревни, об адаптации к новым подходам, фактам и процессам. В сравнении с основным пластом тогдашней «сельскохозяйственной» публицистики — изобилующим отвлечёнными размышлениями — работы Фета весьма выигрывают: они насыщены конкретным, почерпнутым из живой жизни материалом.

Вот, к примеру, вопрос об использовании машин — в «рациональном хозяйстве», которое так мечтали наладить «передовые» землевладельцы, всегда стоявший на первом месте. Одним из открывателей этой темы стал именно Фет. Он показал, что главные причины первых провалов в использовании машин связаны с плохой «совместимостью» последних с русским крестьянином. «Не стану описывать пытки, которую мне пришлось выдержать с неискусными в этом деле деревенскими мастерами; довольно того, что машина наконец была установлена и, худо ли, хорошо ли, стала молотить. Нужно прибавить, что она ломалась почти ежедневно, а когда в конце осени наступила серьёзная молотьба, то я уже и сказать не могу, сколько раз отдельные её части пребывали в кузнице и на орловском литейном заводе»¹². Однако недостаёт не только знаний, но и соответствующей психологии. Ведь машина «требует усилий равномерных, но постоянных. Пока она идёт, нельзя стоять... Это качество машин, с непривычки, пока очень не нравится нашему крестьянину. Небогатый землевладелец Г. поставил молотилку и нанял молотников... Через три дня рабочие потребовали расчёта... «Да что, батюшка, немоготу жить. Сами ходите под машину: ишь она, пусто ей будь, хоть бы запнулась»¹³. Более подробно тема внедрения машин будет раскрыта в художественной литературе в 1870-е годы,

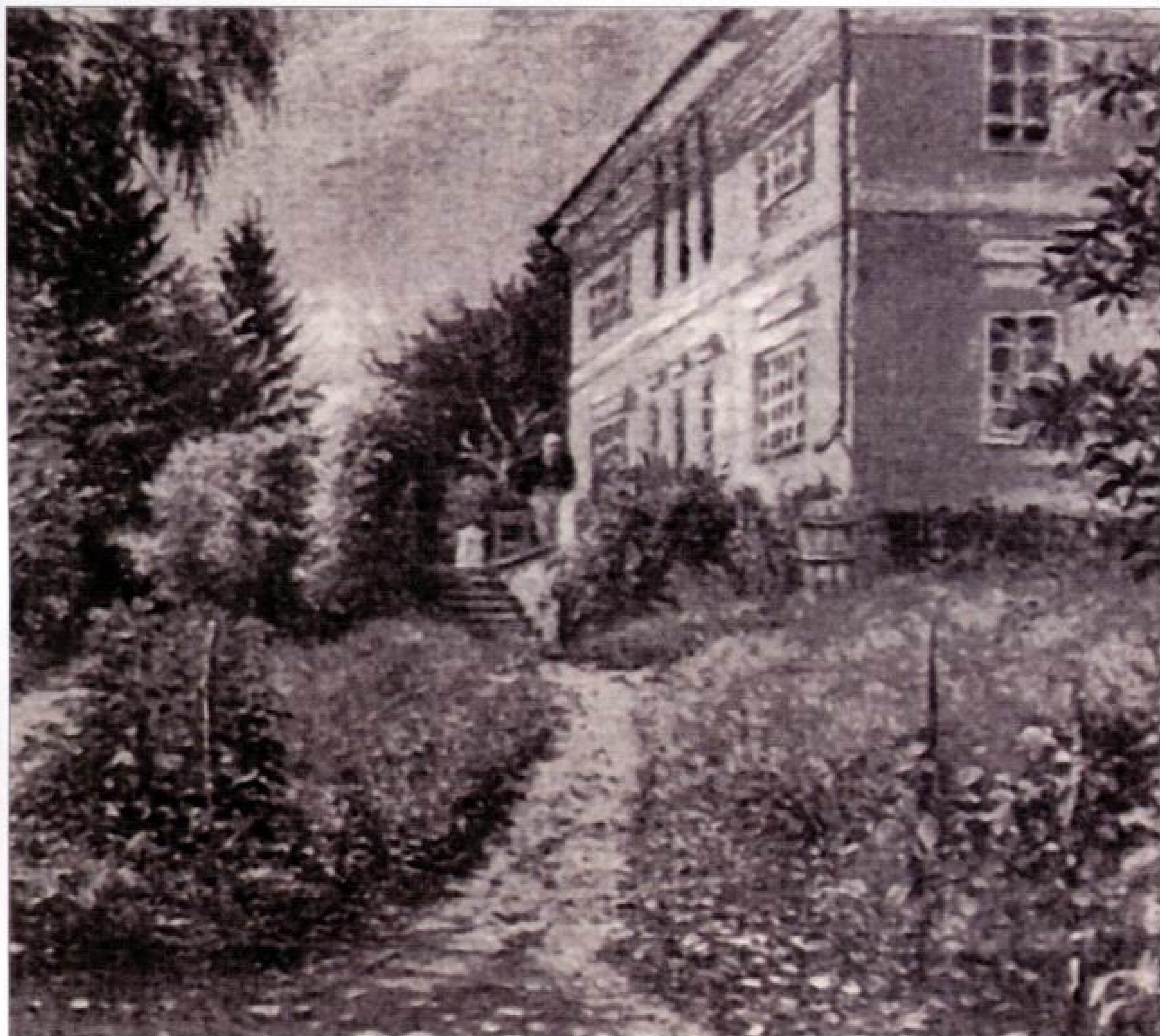
когда отдельные примеры перестанут быть отдельными и наступит время подведения итогов. Но общие контуры проблемы Фет уже обозначил.

Важной темой для очерков стало использование вольнонаёмного труда. По мнению Фета, именно оно и является оптимальным: «Такой труд, где рабочий напрягает свои силы чисто и единственно для себя, есть идеал вольного труда, идеал естественного отношения человека к труду»¹⁴. За этим будущее, но настоящее не столь радужно. Сложно было не только заставить помещиков ценить крестьянский труд; выяснилось и то, «как нова и дика была для крестьян мысль о ценности личного труда»¹⁵.

Сложно говорить о партнёрских отношениях между землевладельцем и работником, если между ними пропасть взаимного неприятия, столетиями сформированное противостояние. И как бы искренне ни желал Фет решить этот вопрос экономически и рационально, крестьяне продолжали видеть в нём барина, человека, мало понятного с виду и чуждого по сути. Поэтому нормой их взаимоотношений оставался обман: «Просьба мужика была исполнена, а кур он мне не привёз. Приводить новых примеров понимания и исполнения условий и договоров со стороны наших крестьян я более не буду, хотя мог привести их сколько угодно»¹⁶.

Вообще, психологическим аспектам новых экономических отношений Афанасий

Афанасьевич уделял особое внимание. Он хотел быть новым, разумным хозяином, реализовывать и личным примером пропагандировать передовые экономические взгляды. Однако значительная часть общества (как дворянского, так и крестьянского) просто не готова была принять новые подходы. Именно это противоречие породило знаменитое представление о мелочности Фета-помещика. Вот, например, эпизод с недобросовестным работником Семёном. Он был уволен поэтом после того, как целый месяц отлынивал от работы, вызвав этим недовольство приказчика и других рабочих, да ещё и не вернул необходимой доли задатка. Эти-то деньги и желал получить с него Фет — больше из принципа, чем из хозяйственных соображений. А Семён, нанявшись к соседнему мужику, сразу же попался с украденными хомутами — заработав в итоге дурную славу во всей округе¹⁷... И ведь нерадивость Семёна — не фантазия автора, а объективный факт. А стремление, пусть придирчивое, к порядку — не самая плохая черта для хозяина. Вот ещё история с гусями. Фет не хотел отдавать пойманных на его земле чужих гусей даром, он желал получить штраф за поправу — чтобы приучить нерадивых хозяев к порядку. При этом он скрупулёзно вычислял возможные нюансы исчисления таких штрафов. Но ведь как хозяин он и не мог поступать иначе: поправу, учинённую гусями, разнится от поправы, нанесённой, скажем, лошадей.

Усадьба в Степановке.